

МОГУЧАЯ НЕЖНОСТЬ

Имя народного артиста СССР Николая Константиновича Черкасова известно не одному поколению зрителей. Москвичи знакомы с творчеством замечательного актера по гастрольным спектаклям Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина, по незабываемым образам, созданным им на киноэкране. Профессор Полежаев и Дон Кихот, Иван Грозный и Паганель, ученый Дронов и царевич Алексей — все это различные полюса широкого актерского диапазона.

Яркой страницей осталось творчество талантливого актера в истории советского искусства, в памяти тех, кто работал вместе с Николаем Черкасовым на сцене, на съемочной площадке.

В одном из ближайших номеров журнала «Искусство кино» будет опубликован цикл воспоминаний о Н. К. Черкасове, посвященный 80-летию со дня рождения актера. Предлагаем вниманию читателей рассказ заслуженного артиста РСФСР С. Юрского. Печатается с некоторыми сокращениями.

Сергей ЮРСКИЙ

1

Он был большой — высокий и вообще большой. Он был уравновешенный. Он был благородный. Великолепная цельность личности в любой роли стала результатом его творчества.

Как многие из моего поколения, я обожал его с детства. Я особенно обожал его, потому что он дружил с моим отцом и мне доводилось видеть его близко. Приближение только усиливало впечатление. Потому что Черкасов не «играл» благородных людей, а был благородным. Он очень интересовал меня, и я зачитывался потрёпанной старой книжкой, бывшей у нас в библиотеке, книжкой о Черкасове.

Она начиналась так (цитирую по памяти): «Когда молодого артиста спросили о его мечте, спросили, что он хотел бы сыграть, он сказал — дерево! Нет, не из сказки, не персонаж, не символ, а само дерево — со стволом, с ветками-руками, дерево растущее, живущее, стоящее под солнцем и ветром». Это его ощущение ранней поры, когда он занимался мимансом, пантомимой, играл и танцевал Пата в трио с Паташном и Чарли, это время, когда он приближался к своему первому тюзовскому Дон Кихоту.

А вот и фотографии той поры, подтверждающие реальность, возможность столь странной мечты: Дон-Кихот с копьем в нечеловеческо-гигантском выпаде. Излом невероятно худых ног. Изгиб, который, кажется, невозможен для живого тела. Такое только нарисовать может большой художник!

Все это — раннее, давнее, мною наяву не виденное, манящее.

Виденное, уже прошлое, но хорошо знакомое, любимое: Черкасов — Полежаев, Александр Невский, Алексей, Паганель... Тревожное, оваянное легендой, лишь приоткрытое — Иван Грозный.

2

Я перелистываю книжку о Черкасове тех лет, смотрю фотографии. Он почти все время на трибуне — и в жизни, как действительно крупный общественный деятель, и в ролях тоже. Выделю одно впечатление. Роль Маяковского в очень слабом спектакле «Они знали Маяковского». Риторика в пьесе, резонерство в роли, но фигура поэта не спрятана в быт. Его движения, жесты не менее важны, чем слова и интонации. Он открыт пространству. И именно тут в Черкасове возникает магнетическая сила воздействия на зрителей.

Когда внутри портретной роли происходит возврат к характерности, приходишь к победам, и победы в каком-то новом, небывалом качестве. Так было с ролью Мичурин в спектакле «Жизнь в цвету». Это было удивительное соединение героя (типическое) с характерностью (конкретное, индивидуальное). И отсюда пронзительная трогательность и убедительность.

Иногда (очень редко) Черкасов возвращается и к гротесковым ролям. И ошеломляет. Я помню свой восторг от Варлаама в «Борисе Годунове». Признаться, почти все забылось. Даже Симонов — Борис потускнел в памяти. А Варлаама помню. Было смешно и могуче. Черкасов кулался в родной стихии буйного, неумного театра. Такой азарт был в этом эпизоде, что не забыть его. И Осипа помню в «Ревизоре». Но еще лучше помню выдающуюся его театральную работу последних лет — роль генерала Хлудова в «Беге» М. Булгакова.

Хлудов — жестокий непримиримый враг, генерал-вешатель. Он сидит на высоком табурете посреди сцены, посреди вокзала, где расположился его штаб. Он неподвижен. Громадная костлявая фигура, каркающий голос. Беспощадная ирония, беспощадные прика-

3

зания. Воля. Сила. Выжженная душа.

Финальная мизансцена спектакля — Хлудов возвращается в Советскую Россию, возвращается, чтобы искупить содеянное зло, искупить, может быть, ценой жизни, — подобная мизансцена оправдывалась только такой фигурой, какой создал своего зловещего и крупного героя Черкасов.

Вспоминаю: однажды поздним вечером году в 63-м переодевались с Николаем Константиновичем в одной костюмерной. Черкасов снимался тогда в фильме «Все остается людям». Он выглядел очень уставшим. Не спешил одеваться и уходить.

— Покурим? — сказал он. Он делал в этом слове очень нравящееся мне странное ударение на последнем слоге.

Мы говорили о Булгакове. Тогда-то Черкасов произнес слово «нежность» как важную характеристику его прозы и пьес.

— Послушайте, — сказал он, — я вам почитаю.

Читал своим прекрасным низким голосом. Читал строго и нежно. Он давал советы своему слуге Санчо Пансо, который должен стать губернатором острова. Он говорил о справедливости, о чести, о достоинстве. И только один раз он распрямился, сделал широкий жест могучей длинной рукой, и выражение лица его стало надменным: «И будь опрятен, Санчо!»

Вот это помню. Рука могучая не в смысле мускулистая, а в смысле все могущая. Великолепный всеохватывающий жест. Скрытый юмор, потому что очень смешно такое важное произнесение слов «Будь опрятен...» и щемящая нежность... к Санчо... к Булгакову... к Дон Кихоту... и у меня, слушателя, к нему — Черкасову.

Я слышал и читал такое суждение: в юности Черкасов отдал дань эксцентризму, но потом встал на правильный

4

путь психологической правды и тогда состоялся как крупный актер. Эксцентрика, игра противопоставляются психологизму, зачеркиваются в биографии Черкасова как заблуждение молодости. Не могу согласиться. В его лучших ролях, по моему мнению, весь его опыт, все грани его таланта. Не быт, не жизнеподражание, но поэзия и эксцентрика были его сутью. Именно на них возрос глубинный психологизм и великая правда его великих ролей.

Недавно смотрел «Весну» Г. Александрова по телевидению. Не устарел фильм. Что творит Ф. Раневская! А Р. Плят! Как роскошна Л. Орлова! У всех триюки, характеры, острые ситуации. А Черкасов в роли, что называется, «голубого» героя — слегка любовника, слегка ментора. Но почему же он так дьявольски обаятелен? Так нескучен, так сливается с каскадом характерности других персонажей?

Да потому, что он тоже это умеет. Это живет в нем, это его стихия. Роль не требует — ну что же, он прячет эту свою способность, но внутри — идеальное ощущение жанра. Именно поэтому его герои (теперь я говорю о настоящих героях истории в его исполнении) — серьезные крупные люди, уравновешенные и страстные, занятые высокими проблемами, — обладают еще одним чисто черкасовским качеством — теплотой.

Бывают разные взаимоотношения зрителей с нравящимся актером. Он может вызвать жгучий интерес, восторг, поклонение, да мало ли что еще... Н. Черкасов обладал уникальным свойством вызывать сыновье чувство. Мы смотрели на него и ощущали в нем черты отца, вновь обретенного, умного, справедливого, благородного и... теплого, родного.

Кланяюсь его памяти!